

Когда взгляд женщины скользнул по новому шраму на ее лице, Сакура поборолла желание пригнуть голову. Конечно, люди смотрели - если бы это было чужое лицо, она бы сделала то же самое. Только когда они пялились, ее щеки начинали гореть, и она разрывалась между злостью на них и злостью на себя. Стыдиться было нечего. Когда-нибудь она повторяла бы это про себя до тех пор, пока не поверила бы в это, как когда-то верила в то, что соблюдение правил обеспечит ей безопасность.

Сегодня был не тот день, но потом женщина отвернулась.

Сакура порылась в памяти, ища свое настоящее имя, потому что не могла придумать более быстрого способа произвести плохое первое впечатление, чем назвать бабушку Кошмаром в лицо. Это оказалось довольно легко, ведь она спрашивала об этом Генму-сенсея. Её звали Гозен Рэйдзи, и хотя Рэйдзи было достаточно распространённым именем, оно, как правило, было мужским. Генма-сенсей только взглянул на нее и загадочно улыбнулся, щелкнув сенбоном.

"Очень приятно познакомиться с вами, Гозен-сан, - сказала Сакура, наклонив голову.

Брови женщины недоверчиво приподнялись, но она улыбнулась. "У нас впереди насыщенный день", - сказала она. "Харуно-чан, не так ли?"

Может быть, потому, что Какаши-сенсей был для нее учителем, но утро пролетело незаметно, и Гозен-сан показалась ей скорее требовательной, чем кошмарной. Она требовала, чтобы все было сделано именно так, как она хотела, быстро и без ошибок. И вознаграждала за успех более сложными инструкциями, некоторые из которых, как она ненадолго заподозрила, Гозен-сан специально делала менее понятными. Но почти сразу же перестала подозревать, потому что поняла, что это, скорее всего, просто предрассудки, основанные на прозвище.

Это было до того, как она стала замечать периферийным зрением ползущих, ползающих существ. Она помогала пересаживать цветы, и за ее пальцы переползало больше вещей, чем положено на квадратном футе почвы, тем более что, когда она отдергивала руки, там ничего не было. Тени на полотенцах, которые она складывала, все время отращивали ноги и разгибали мандибулы.

Она подозревала гендзюцу, но даже когда она незаметно прервала поток чакры, она не смогла почувствовать момент, когда он прервался. Или момент, когда она попала в другое. Но она промолчала, выполнила просьбу Гозена-сана и на следующий день явилась в назначенное время.

Сакуре все меньше и меньше хотелось идти, но она не сдавалась, и четыре долгих дня, наполненных такими тонкими гендзюцу, что даже когда она вышла из дома и остановила поток чакры, способный развеять затянувшуюся иллюзию, тени все еще продолжали подкрадываться к ней в ее собственном доме. Она перестала пытаться спать в своей кровати, пробовала включать свет, когда ложилась спать, но обнаружила, что это лишь отбрасывает еще более темные тени. Поэтому она оставалась в темноте, говорила себе, что старуха ее не побьет, и

принимала холодный душ, чтобы смыть липкое, цепкое ощущение измучивших ее кошмаров.

Но на пятый день, когда тени начали ползти, ей уже не нужно было формировать никаких знаков руками. Это было похоже на сознательное моргание, если бы у вас были сотни глаз. В то утро она часто моргала, и по мере приближения дня к обеду гендзюцу становилось все более явным и агрессивным. И когда ее онигири превратилось в горстку личинок, она даже не потрудилась развеять иллюзию. Он все равно был очень вкусным.

Это вызвало у нее немного другую улыбку, с более острыми краями. Гозен-сан уперлась локтями в стол, подперев подбородок руками. "Вы владеете гендзюцу", - заметила она.

"Да, госпожа, - ответила Сакура, не понимая, куда старуха хочет завести разговор.

"Они иногда присылают их ко мне. Хотят, чтобы я их научила", - призналась она. "Или они так это называют. А я называю это воровством". Ее глаза были очень твердыми, странного лесного цвета с зеленой сердцевинкой, когда она встретилась взглядом с Сакурой. "В мое время куноичи не приветствовались. Женщины были женами и матерями, и если они сражались, то это было продолжением их роли. Защищать свой дом, своих детей. Но даже это не одобрялось. Даже сейчас вы постоянно слышите о великих, - в этом слове прозвучала язвительная нотка, - шиноби прошлого. Об их триумфах, войнах. А о скольких куноичи ты слышишь в Академии?"

"Есть Цунаде-сама, госпожа", - ответила Сакура, когда молчание потребовало ответа.

"Она была медиком", - резко ответил Гозен-сан. "Я не стану принижать ее мастерство - оно спасло немало жизней во время войн. Но врачевание - это женское искусство с тех пор, как мы вышли из пещер. И Цунаде-сама может показаться вам древней, но я помню ее еще ребенком. Мой отец так и не смог примириться с тем, что у него будет девочка. Только спустя почти семь лет после моего рождения моя мать смогла подарить ему желанного сына. И ее здоровье уже никогда не было прежним".

Сакура начинала чувствовать себя как насекомое под увеличительным стеклом, а Гозен-сан каталогизировал ее реакцию на каждое откровение. "Меня мало чему научили, - продолжала старуха. "Но я решила, что только я могу принимать решения за себя, и собиралась стать всем, что мне говорили, что я не могу. Я росла во время войны, поэтому у меня всегда была возможность попрактиковаться. Я экспериментировала, испытывала, совершенствовалась десятки гендзюцу. Я была первой женщиной-оперативником в АНБУ - они рассекретили мое досье пять лет назад, так что сейчас признать это не совсем преступление. Они называли меня Женой-Лисой. И я была лучшим диверсантом, которого они когда-либо видели".

Сакура нервно сглотнула. "Что случилось?" - спросила она.

Глаза Гозена-сана сузились. "Они пытались назначить в мой отряд Учиху. Я никогда не любил Учиху, даже до этого. Все, что они видели, они считали своим. Техника, отточенная за десятилетие, была скопирована за десять секунд".

"В конце концов, они заставили вас взять одну из них?"

Улыбка расширилась, и на мгновение, представив себе гладкую от молодости кожу, она поняла, почему ее прозвали Женой-лисицей. "Я вышла замуж за Хьюгу, и он переехал в мой дом", - сказала она, в каждом слове сквозила победа. "Хокаге был достаточно мудр, чтобы понять, что я этого не потерплю, и так продолжалось до моей отставки. А потом этот гордый, гордый человек - Учиха Фугаку - решил, что настало время передать мне свои техники. Я была старой женщиной, мой муж умер, а детей у меня не было. И кто может быть лучше этого великолепного вундеркинда, который оказался его сыном. Учиха Итачи. Я назвала это обязательством, - проворчала она. "Это был хороший день, когда он вырвался из этого дома".

"Так вы никогда не учили его?"

"Нет", - ответила Гозен-сан, и напряженность покинула ее плечи. "Он был странным, тихим ребенком. Когда его отцу надоело, он пришел ко мне лично. Я был готов отказать ему, но вместо этого он извинился за вспыльчивость и самонадеянность своего отца. Убийство его клана было величайшим одолжением, которое он когда-либо делал для этой деревни".

Сакура на мгновение потеряла дар речи, ее мозг не мог переварить то, что Гозен-сан заявил так же решительно, как ее любимый сорт варенья. "Как ты можешь так говорить?" наконец Сакура смогла выдать из себя, но не совсем крикнула. В голове у нее крутились последствия этого ужасного, беззаботного заявления.

Она и не заметила, как наполовину поднялась со стула, пока Гозен-сан резко не сказал: "Сядь. Ты была слишком молода, чтобы помнить, какими они были. У тебя есть только истории, а слишком многие люди боятся рассказывать о мертвых дурные истории. Пока что прими это как мое мнение - и я имею на него право".

Сакура попыталась проглотить тошнотворное чувство, но оно не покидало ее. "Вы когда-нибудь кого-нибудь учили?" - спросила она, отчаянно подыскивая вопрос, который можно было бы задать, когда все, что она хотела сделать, - это уйти.

"Формально - нет. И ни одной из моих техник в полном объеме. Ближе всего я подошел к Орочимару - это был умный, любопытный ребенок".

"Ты... ты...", - Сакура покачала головой.

"Монстр? О, возможно. Приходит время, когда ты слишком стар и устал от лицемерия, а я провел свою юность, заставляя врагов ночами напролет спать от ужасов. Я знаю, кто я. А я думал, что знаю, кто ты. Я думал, что Хатаке послал тебя, чтобы сделать последнюю попытку заставить меня выбрать кого-то, кому я передам свои техники перед смертью. Но, как оказалось, ты просто генин, который не сдастся, когда сталкивается со злобной старухой". Она хихикнула и убрала руки на колени. "Ты мне очень помогла, Харуно-чан. Пока твой сенсей не проснется, я бы хотела, чтобы ты и дальше помогала мне. Если ты вернешься завтра, - сказала Гозэн-сан, оттолкнувшись от стола, - в этом доме есть одно правило: ничего не предполагать.

То, что вы думаете, что знаете о своей деревне, ее истории, ее шиноби, омытое ревизионистским патриотизмом и необходимостью вписать все в какую-то полусерьезную моральную схему, - оставьте за дверью".

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3440999>